

Булат Окуджава: встреча навсегда

Известия, — 1999 — 8 мая, — с. 7

9 мая Булату Шалвовичу исполнилось бы 75 лет

Об Окуджаве бессмысленно писать юбилейные статьи. Его песни не нужно цитировать — каждый и так помнит любую из них наизусть. Наш корреспондент Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ просто попросил товарищей славного поэта вспомнить о том, когда и как он вошел в их жизнь, какую роль сыграл в судьбе разных поколений. Насколько Окуджава был открыт навстречу жизни, настолько разнообразным оказался и круг его друзей.

Владимир ВОЙНОВИЧ,
прозаик
(Мюнхен—Москва)

Однажды — было это в 1956-м — на очередном заседании литературного объединения «Магистраль» при Центральном доме культуры железнодорожников явилось некое «лицо кавказской национальности». Я считаю себя отчасти физиономистом и верю своему первому впечатлению. Окуджава показался мне личностью очень значительной — пока не начал читать какие-то странные стихи (помню строки про молоток сапожника, похожий на хвост ласточки). И весь эффект пропал.

Через некоторое время мы отравились в гости к руководителю объединения Григорию Левину. В углу его захламленной комнаты стоял рояль; посреди всеобщего гама это «лицо грузинской национальности» село за рояль и стало что-то тренькать, напевать какие-то песенки. Правда, самая первая его песенка (позже он уверял меня, что ее не помнит) была такая: «Однажды Тирли-Тирли-Тирли-Тирли/ Напал на Дугу-Дугу-Дугу-Дугу./ И долго Тирли-Тирли./ И долго Дугу-Дугу/ Калечили немножечко друг другу». Но вторая была уже «На этой улице портовой...» По-моему, тогда же я впервые услышал «По Смоленской дороге...» и «Бумажного солдата». Это потрясло и меня, и всех присутствующих. (Нина Бялосинская даже написала стихи: «Но явился Окуджава;/ Все мое, сказал Булат».)

В 60-е годы мы стали общаться теснее. Жил он в Шереметьеве, в поселке «Литературной газеты», я

туда время от времени приезжал на мотоцикле, иной раз ночевал. (Однажды он попросил меня отвезти и бросить в почтовый ящик письмо в Питер; потом просьба повторилась — в конце концов я узнал, что вожу письма Ольге Арцимович, его будущей новой жене.) Затем стали встречаться домами, но это нельзя было назвать близкой дружбой. И лишь когда начались у меня всякие неприятности и некоторые люди перестали меня узнавать, произошло неожиданное сближение. В тот февральский день 1974 года, когда меня исключили из Союза писателей (я лежал с воспалением легких), Булат неожиданно пришел, принес большую коробку из-под ботинок, велел перевернуться на спину. И поставил мне банки. Подробностей, может быть, и смешная, но говорит о многом. Когда я уезжал, он устроил для меня прашальный концерт у Беллы Ахмадулиной, провожал в аэропорту. А там, на чужбине, или в чужеземстве, как говорит Белла, Окуджава был единственным из неужавших, кто решался со мной встречаться. Самое трогательное воспоминание — о 9 Мая 1985 года. Он приехал в Германию на встречу ветеранов по случаю Дня Победы, организованную Вилли Брандтом. Но отправился ко мне в деревню под Мюнхеном, причем сделал это демонстративно. Местные левые заказали ему гостиницу «Шератон»; поскольку Окуджава никаких иностранных языков не знал, мы поехали отказываться вместе. Приезжаем, а там его поджидает группа нас вместе, они обомлели...

Безусловно, Окуджава огромный поэт — и не просто «песенник». Мы жили в эпоху казенных слов и казенных понятий, очень трудно было освободиться от этой языковой неволи — и неотделимой от нее мертвенной идеологии. А Булат впервые заговорил с нами на нормальном человеческом языке: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...» В этих песнях не было ничего против советской власти, но они взрывали ее изнутри, напоминая человеку о том, что у него есть обыкновенные человеческие чувства.

Александр КУШНЕР,
поэт (Санкт-Петербург)

Я впервые увидел Окуджаву в редакции «Литературной газеты». Сколько мне было? Двадцать, двадцать два от силы. Все сотрудники сгрудились в одной комнате вокруг человека с гитарой, который пел свои песни, ни на что не похожие, замечательно мелодичные; было какое-то обаяние во всей его внешности, в манерах. После всех этих сталинских морозов, ледяной стужи вдруг я услышал человека с живой речью, с настоящим голосом; не было там никакого громыхания железом, крупноблочных тем, а была нормальная человеческая интонация...

Не могу сказать, что мы часто встречались с Булатом Шалвовичем, но все-таки друг другу симпатизировали, общались.

Помню, как я получил от него конверт, в который были вложены книжка и листочек со стихами про Ленинград; кончались они весьма лестными для меня строчками: «Саша Кушнер и Саша Володин./ Вы-то все из полка моего». Это был год, наверное, 80-й, и Ленинград казался ему пустым (не скажу, что это было справедливо, но тем не менее), а нас с Володиным он отличал...

Кроме таланта, ему была присуща порядочность необыкновенная; я всегда знал, что этот человек

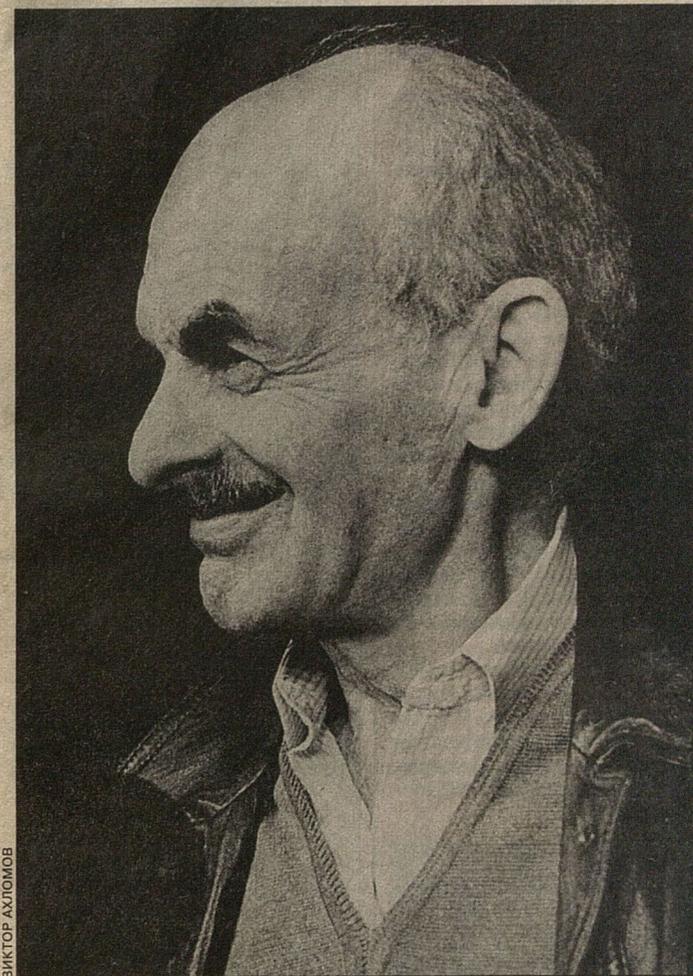
не предаст, не выдаст, что у него есть правила поведения, и в каком-то смысле он был для меня эталоном человеческой «доброкачественности».

Я не могу себя причислить к тем, кто страстно любит пение под гитару и вообще разбавленные мелодии и тексты. Но Окуджава и еще несколько «бардов» (Галич, например) составляют исключение. Их стихи могут существовать отдельно от мелодии, хотя и рождены вместе с нею. Я почти уверен, что если будут помнить о литературе 60—70-х годов, то будут помнить и об Окуджаве.

Егор ГАЙДАР,
политик (Москва)

Песни Булата Шалвовича вошли в мою жизнь так рано, что мне кажется, будто я знал их всегда. Они звучали у нас дома на допотопной «Яузе»; родители общались с Окуджавой. Но, конечно, настоящее, «самостоятельное» общение началось позже, в 1990-е; затем оно переросло в дружбу. (Чем я горжусь, поскольку Булат Шалвович вовсе не был человеком, склонным к неограниченному и неупорядоченному широкому общению.) Мы говорили и о литературе, и о жизни, и о политике; причем в отличие от многих интеллигентов своего поколения Окуджава принимал новую реальность, не страшился перехода из привычного полувисимого состояния в область свободы. У нас было общее представление об опасностях, с которыми сталкивается наша страна, и о том, что нужно делать, чтобы эти опасности преодолеть...

Его песни были некой культурной революцией в послетоталитарном, но все еще авторитарном мире, когда общество только избавлялось от парализующего страха массовых репрессий и постепенно приходило в себя, просыпалось, понимало, что есть нормы относительно независимого поведения, что честь, благородство, храб-

ВИКТОР АХЛОМОВ

рость, достоинство важнее комфорта сосуществования с властью. Происходила моральная реанимация общества, изуродованного революцией и последующим тоталитарным режимом. И в этом была огромная заслуга Окуджавы.

Кроме того, мне кажется, что его песни предельно расширили зону влияния серьезной словесности. Будучи поэзией высшей пробы, эти песни вышли за пределы узкого круга эстетов, фанатиков, любителей: Окуджаву слушали не сотни тысяч, а миллионы, если не десятки миллионов людей. А для

меня лично его песни как бы задали область допустимых значений в поведении: в непростых ситуациях (а у меня их было немало) было важно понять, как это решение складывается на мир, созданный в песнях Окуджавы.

Не случайно для моих детей, их друзей эти песни не стали чужими. И даже странно спрашивать, кому именно пришла в голову идея взять в качестве гимна движения «Правое дело» песню «Возьмемся за руки, друзья!». Это как-то само собой случилось, идея родилась из воздуха, настолько она естественна.